

проежит иначе, чѣмъ жила они. Это —

презупрежденіе. Или историческаго объясненія

для этого современнаго унынія?

Разбуженная отъ спячки къ само-
дѣятельности Гоголемъ, притеснутая
Щедринымъ, русская интеллигенція

чувствуетъ, что не можетъ уже жить
растительною жизнью, а жить куль-
турно, утративъ *силу*, тоже не мо-
жетъ, а потому выбилась изъ колеи
и пасуетъ предъ непосильною задачей.
Издѣ, при духовной уравниловке
характера, тотъ же Астровъ
одоразивлялся бы своей угадъ и чув-
ствовать бы себѣ полезною частью пе-
льной мирно-работающей арміи. Дядя
Ваня еще усѣившае занимался бы
хозяйствомъ и не считалъ бы, что
прожилъ бесполезно. Но, увы, порывы
и замыслы нашей интеллигенціи не
соразмѣры съ ея действительными
силами и значеніемъ. Страстное же-
ланіе работать, при отсутствіи упор-
ства къ труду, болѣе претензіи и
полное духовное банкротство, объ-
ясняющіяся неспѣльемъ какого-нибудь
прочнаго міросозерцанія, управленію
нашего живяго: вотъ одна изъ при-
чинъ современнаго пессимизма интел-
лигенціи.

Успѣхъ Чехова тѣмъ и объясняется,
что онъ попалъ и отразилъ пережи-
ваемую нами эпоху *душевно безре-
шитель*.

Въ немъ были тѣ струны, которые
всегда отзвѣтъ читатель: глубокое
милосердіе и унылая мягкость.

Изъ русскихъ современниковъ, ни-
кто лучше его съ Короленкой не
рисовалъ несложнаго, но заколдова-
ннаго міра русской дѣтвры. А въ эту
область прорываютъ лишь немногіе
возмужавшіе, вооруженные чудодѣй-
ственнымъ ключомъ любви.

Но лучшими созданными его явля-
ются женскіе типы.

Мысль той женщины въ *Ивановѣ*,
которая на вопросъ, за что женщины
любятъ людей причиняющихъ имъ
много горя, объясняетъ, что любятъ
ихъ такими людьми является высшимъ
напряженіемъ душевной силы, — какъ
эта мысль, никакъ раньше не выска-
завшаяся, ярко освѣщаетъ громадный
моментъ въ душевной жизни русской
женщины!

Вотъ, прямая и цѣльная Пина За-
рѣчная, съ ея восхитительно-изра-
женною мечтой о значеніи писателя
(сцена на лугѣ), съ подчеркнутыми въ
книгѣ для Тригорина словами: «Если
тебѣ нужна моя жизнь, возьми ее!», и
съ ея выстрадавшею ерайой: «Когда
я думаю о моемъ призваніи, я не бо-
юсь жизни!»

Вотъ, наконецъ, и грустная, не-
счастная Соня изъ *Дяди Вани*.

И ее жизнь жестоко обидѣла. И
въ концѣ плесы, оставшись вдвоемъ
съ горемычно-дядей, она говоритъ
своей знаменитый монологъ — подде-
рживающую ее мечту о томъ вѣчномъ
краѣ, гдѣ, среди безконечной красо-
ты, они «отдохнуть». — «Мы придѣмъ
къ Богу и разкажемъ, какъ мы мно-
го страдали, — и тамъ мы отдохнемъ.»

Много думать побуждаетъ эта луч-
шая, быть-можетъ, и глубочайшая во
всѣхъ Чеховѣ страница, въ которой
ясно поставлено единственно-правиль-
ное разрѣшеніе самыхъ проклятыхъ и
тревожныхъ жизненныхъ вопросовъ.

Да, никакіе когти жизни не выца-
рапаютъ изъ русской души безсозна-
тельнаго, быть-можетъ, неискаго, но
не вытравляемаго изъ нея ожиданія и
страстной надежды на это вѣрное при-
блженіе послѣ бѣдной прозы земной
жизни.

«Тамъ мы отдохнемъ, отдохнемъ!»
Пусть же тамъ, среди пылаго
праздника, будетъ легко душно поэта,
измученной нашими бѣдными, томъ-
тельными буднями, нашими напрасны-
ми корнями, разбитыми мечтами,
иссю стрелью и неприкрашенностью
нашего быта.

Е. ПОСЕЛЯНИНЪ.

АВТОРЪ „ДЯДИ ВАНИ“ И „ЧАЙКИ.“

Пастроемъ литературныхъ произве-
деній Чехова можно угадать уже по
грустному, пылливому взгляду его
глазъ.

Характеръ человека, радость или
печаль его дѣтства, обетованія,
въ которыхъ началась его сознате-
льная жизнь, окружающіе люди, силы
и одороки его, все это — множество
причинъ, которые заставляють писа-
теля такъ или иначе смотреть на
жизнь, замѣчать и отражать преиму-
щественно одиъ или другія ея сто-
роны.

Видно, мало дала жизнь и даже мало
показала радости Чехову. Жалостная
нотка звучитъ почти во всѣхъ его
произведеніяхъ. Не онъ со своимъ
героизмъ господствовалъ надъ жизнью
и направлялъ ее по своему. А жизнь
домала, калѣбная и напракала его
героевъ. Въ нихъ слабость и непро-
тивленіе славянской природы достигли
высшаго своего выраженія. Они —
Обломовы, еще болѣе несчастные, чѣмъ
первозданный Обломовъ, потому что
они болѣе чуткіе, болѣе дѣятельные,
но етоль же, въ общемъ, безсильные. Га-
лерей Чеховскихъ типовъ еродна изъ
этого отношенія съ героемъ знаме-
нитаго романа крупнейшаго совре-
меннаго славянскаго писателя, Сѣнке-
вича, *Бѣлы домана*, въ которомъ такъ
ярко обрисована провалъ «славян-
ская неспроизводительность».

Не то, чтобы у этихъ людей не было
духовнаго содержанія. Посмотрите
на доктора Астрова въ *Дядю Ваню*,
на самого дядю Ваню. Они хорошие
люди, жизнь ихъ была полна сочув-
ствія, желанія добра ближнимъ. Но
одинакъ связанъ изъ провинціальной
среды и сивнесты; другой убѣждаетъ,
что все самоотверженіе его жи-
зни было совершенно напрасно, что
человѣкъ, на котораго онъ работалъ,
зарыль въ эту работу свою моло-
дость, — бездарная и пошлая тушца.
И крикъ его, когда онъ хочетъ стрѣ-
ляться, о томъ, что его жизнь прошла
даромъ, какъ бѣдственно и попятно
отзовется въ тѣхъ людяхъ, которые
тоже обманулись, тоже не нашла сво-
его пути.

А въ какихъ невыносимыхъ стра-
даній сикетона жизнь молодого Тре-
пшана въ *Чайкѣ*. Какъ задрожъ гнѣ-
бится Пина Зарѣчная изъ рукахъ злоб-
деннаго изъ себя, мелководнаго писа-
теля Тригорина, когда около нея — обо-
жающій ее Трепшанъ. И тутъ жизнь
напугала и надругалась.

Господи, какъ не стосковаться
среди этихъ лицъ, какъ не раздра-
жить глубокимъ уныніемъ, и, несомнѣн-
но, Чеховъ навелъ не мало пессимиз-
ма на подроставшую молодежь. Надо
быть очень стойкимъ, чтобы не по-
дался гипноту его унынія.

Радъ изъ Москвы на представленія
Дяди Вани и встрѣтилъ знакомаго,
очень бодро настроеннаго и энергич-
наго, студента. Онъ сказалъ, что тре-
тій разъ смотреть плесы.

— Чтѣ-жъ она тамъ говорить?
Видъ вы не такъ охотитесь къ жизни.
— А то, что я даю себѣ слово